

ЕЩЕ НЕМНОЖКО, И Я ВЫЙДУ НА СЦЕНУ

Александр Галин, которого преследует успех уже лет десять, а то и больше

Наталья Землякова

Рефлексия

ОБЫЧНО, если драматурга показывают в фильме или спектакле, — это персонаж комический. Недовольный, обиженный... В чем, как вам кажется, комизм положения драматурга в театре?

— В пьесе Булгакова «Мольер» драматург — фигура трагическая. У нашей же критики сложилась традиция, определенный тон по отношению к драматургии — ее нет или роль ее ничтожна. Автор приходит в зрительный зал накануне премьеры, и ему показывают результат. Театр по своей природе груб и материален, драматург для него — творец красивой поэтической легенды, которая всегда существует в настоящей пьесе.

— В прошлые, как принято говорить, «застойные» годы ваши пьесы во всех театральные рейтингах занимали верхние строчки. Если сегодня взглянуть на театральную афишу только в Москве, ваши пьесы идут в самых модных театрах — в «Современнике» и в «Ленкоме». Драматургическая судьба Александра Галина абсолютно благополучна или существуют какие-то внутренние коллизии?

— Мои пьесы широко ставят, начиная с 1985 года. А судьба? Понимаете, все зависит от того места, который театр занимает в обществе. Да, в советскую эпоху приходилось преодолевать сопротивление власти, цензуры, зрительского восприятия. И сегодня положение, которое занимает театр, я не могу назвать благополучным. Но театр все-таки устоял.

— Благодаря чему?

— Устоял тот театр, который Джорджио Стрелер назвал «театр для людей». Поблекли, стерлись в памяти спектакли, пробиравшие когда-то «новое мышление», ловавшие «образ вождя», бывшие наотмашь «правдивым словом» о власти. Для нашего театра главное всегда — испытание духовное, а не экономическое или политическое. Я абсолютно убежден, что театр нужен тем людям, которые каждый вечер заполняют зрительный зал. Мне иногда хочется написать пьесу, и я это делаю, предчувствуя, как будут воспринимать мою пьесу зрители. И еще. Я сейчас пишу пьесу и знаю, что буду ставить ее в «Современнике». Я уже слышу, как смеются Волчек и Ахеджакова на первой читке. Пишу и слышу: вот здесь они будут хохотать.

— Вас это вдохновляет?

— Меня это согревает. Вдохновляет история, которая существует в пьесе. Но мне хочется дотянуть до того момента, когда я буду читать пьесу труппе. Поэтому, отвечая на ваш вопрос о благополучии, могу сказать: да, мне легко и благополучно, потому что есть группа заинтересованных людей, которые будут слушать мою пьесу и смеяться. Поэтому я хочу заниматься театром именно в этой стране, хотя пьесы мои идут по всему миру.

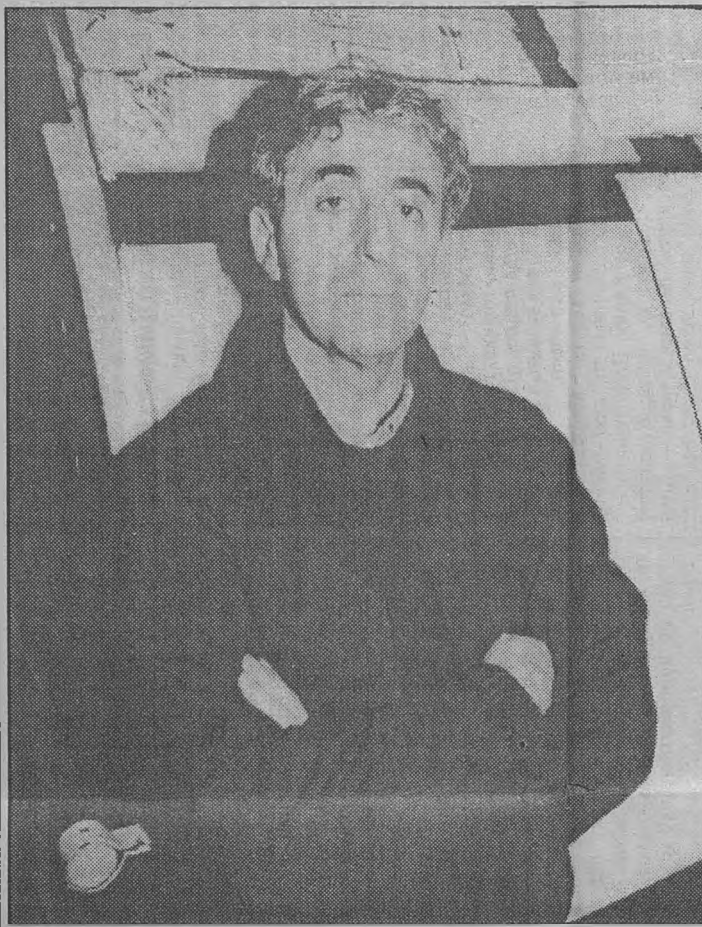
— Иногда вам приклеивают ярлык драматурга, «обреченного на успех». Как вы относитесь к этому определению в контексте нашей театальной культуры?

— Нет, нет, нельзя так говорить — успешный драматург. Так говорят люди, которые не понимают истинного положения вещей в современном театре. Что такое успех драматурга в театре? И в богатых странах драматург кроме написания пьес должен либо преподавать, либо работать на телевидении или в кино. Я же только пишу пьесы, которые любят играть хорошие актеры. Я когда-то написал пьесу «Тамада», она шла во МХАТе, и герой Калягина — Симон произносил фразу: «Бакалея нам диктует». Убогий российский капитализм поступался в театр гораздо раньше, чем наступила эпоха Горбачева. Мне важно знать, что Людмила

Александр Галин родился в 1947 году. Окончил Ленинградский институт культуры. Первую пьесу («Стена») написал в 1972-м, только через шестнадцать лет она была поставлена в «Современнике» (режиссер Роман Виктюк). Следом были написаны «Наваждение», «Ретро», «Восточная трибуна», «Тамада», «Крыша». Скандальную славу принесла драматургу пьеса «Звезды на утреннем небе» — о замечательных советских женщинах, по профессии проститутках, на время Московской Олимпиады высланных из столицы; она была поставлена во многих городах Советского Союза, а самый известный спектакль (Малого драматического театра) объехал немало стран.

Пьесы Александра Галина в разные годы ставили Леонид Хейфец, Глеб Панфилов, Генриетта Яновская, Кама Гинкас, Лев Додин, Галина Волчек, Олег Табаков, Ион Унгурияну, Роман Виктюк, Александр Дзекун.

В 1994 г. Галин дебютировал в кино, поставив фильм по своему сценарию «Плащ Казановы». В последние годы сотрудничает с Российским театральным агентством и продюсером Давидом Смелянским, при участии которых на сцене «Ленкома» вышли спектакли «Сорри» и «Чешское фото». Премьера последнего, срежиссированного самим драматургом, прошла в середине ноября.

Александр Галин.

НГ-фото

Петрушевская и Виктор Славкин тоже пишут пьесы, а не создают фонды, офисы, конторы. Мне это помогает.

— Вот уже 10 лет на российской сцене идет ваш хит «Звезды на утреннем небе»...

— Эту пьесу, кстати, ставили не только у нас в стране, но и в Шекспировском королевском театре, в «Одеоне». Ставят до сих пор.

— Интересно, как «там» ставят эту пьесу?

— Ставят о том, о чем написано. Олимпийские города очищают везде. Мир повсеместно разделен на чистых и нечистых. Какой бы фасад ни воздвигали развитые и неразвитые демократии. Галина Волчек сейчас ввела в спектакль, которому скоро будет 10 лет, юных исполнителей. Они были детьми в 80-х, но и им понятно, о чем надо играть.

— Один из последних сюжетов вашей жизни — премьера спектакля «Чешское фото» в Ленком. Вы выступаете не только в роли драматурга, но и режиссера-постановщика. Что толкнуло вас в режиссуру?

— Мне хочется прожить с пьесой до конца. Пишешь пьесу, и вдруг в какой-то момент все уходит из твоих рук. Меня вообще притягивает театр. Я хочу и играть. Совсем немножечко осталось до того момента, когда я выйду на сцену.

— Но это не будет дебют?

— Я был когда-то актером кукольного театра... Но мне все говорят, что я неплохой комедийный актер.

— Похоже...

— Да, да. Я знаю, когда люди в зрительном зале смеются. Я ведь и пишу-то комедии. Может быть, кто-то думает, что мне поздно выходить на сцену. Но главное для меня — не суетиться.

— И на каком жизненном этапе вы это поняли?

— Когда в один сезон в Ленинграде поставили шесть моих пьес, а в Москве — пять. И по всему миру уже ставили мои пьесы. А в это время я увлекся... астрономией. Купил телескоп. Вместе с сыном смотрели на звезды. И все на Земле стало казаться маленьким. И мною овладела печаль. Ощущение одиночества. Отчего? Не знаю. Может быть, оттого, что артист кукольного театра добился своей цели. Словом, вышел из-за ширмы и попал в мир людей. Впрочем, о таком успехе я и мечтаю не мог.

— На политические реалии вы не реагируете?

— Нет. Жизнь «больших» людей мне неинтересна. Меня привлекают маленькие, как принято говорить, люди. Странные. Удивительные. Мне интересны истории этих людей — в них застывает время. Знаете, как в куске янтаря высвечивается что-то из прошлых веков...

— О чем вы создавали спектакль «Чешское фото»?

— О том, как за последние годы изменились отношения внутри общества. Два друга. Фотографы. Когда-то любили одну женщину. То есть у одного был роман, а второй ее вослевал. Они делали фотографии и отсылали их в журнал

«Чешское пиво». В 1968 году их арестовали. Одному удалось сбежать, а второго посадили — за порнографию. И вот через много лет они встречаются. Один разбогател, а второй — нищий. Встречаются на палубе корабля и два часа разговаривают. В спектакле заняты замечательные актеры — Николай Караченцов и Александр Калягин. Скажут, «спектакль для звезд». Но почему никто и нигде не говорит о том, что крупнейший русский актер Калягин уже пять лет не выходил на сцену в новой роли? Кофеи! Почему об этом никто не говорит?

— А кому есть дело до «крупнейшего русского актера»?

— Зрителям. Они хотят его видеть. Я никогда не приглашаю смотреть мои пьесы. Я приглашаю смотреть на актеров в моих пьесах. В роли «неудачника» Зудина открылся совершенно неожиданный Караченцов. А ведь он уже очень много сыграл в театре. Но в этой роли он делает то, на что способен действительно мастера, — отказывается от привычного имиджа звезды, любимца публики. От всего, что раньше приносило ему успех. Спектакль «Чешское фото» не создавался по принципу «верного успеха». С художником Давидом Боровским мы искали реальный масштаб человека на сцене. И для воплощения этой идеи нужны были большие актеры, которые могут играть «новые русские пьесы». Драматургия диктует. Например, «Три девушки в голубом» могли быть поставлены только с Инной Чуриковой. Кама Гинкас не взялся бы ставить «Тамаду» без Александра Калягина, Екатерины Васильевой, Лев Додин не делал бы «Звезды» без Татьяны Шестаковой, Натальи Акимовой, Ирины Селезневой, Галина Волчек — без Неллоной и Петровой. Мои пьесы не возможно «открыть» приемами тотального режиссерского театра. Нужны актеры, которые могли бы реализовать то, что заложено в пьесе. Я говорю не только о своих пьесах, но и вообще о драматургии «новой волны», которая разработала принципы, важные как для отечественного, так и для мирового театра. Новая русская драма, начиная с Александра Вампилова, являет особую ветвь мировой литературы.

— Как ваши герои, маленькие люди, вписываются в современное общество?

— Я описываю людей, которые не борются. Часто о моих героях говорят: неудачники. Дело не в этом. Просто в человеческой жизни существуют цели — мнимые и действительные. Например, человек разбогател и купил дом. Но не знает, что в земной коре уже начались процессы, и через 10 лет дом рухнет во время землетрясения. Человеку не дано этого знать. Современный мир погряз в мнимых целях — войны, кровь, обогащение. Именно на этом построена стилистика драматургии «новой волны». Трагикомедия мнимых сюжетов. Главное — понять и выразить действительную цель человеческой жизни. Начиная с 70-х годов, только драматургия задумывалась над этим. Что же касается моего положения в театре, то мне абсолютно наплевать, что обо мне говорят. Я пишу про другое. И, может быть, пьеса «Чешское фото» будет понятна не как пьеса для двух звезд, а как пьеса вообще о звездах, о том, что есть смерть, что все проходит... И один мой герой так и говорит, а второй не соглашается: «Нет, не всё...» Это разговор о той великой, действительной цели, которую кто-то задумал.

Как и любой человек, я до конца не понимаю самого себя. Кто я и для чего, собственно, пишу пьесы? Может быть, это тоже мнимая цель? Кто знает... Но театр — любовь моя и судьба. Знаете почему? Никто не ходит в театр по принуждению. Никто никогда не заставлял, не уговаривал миллионы людей смотреть мои пьесы.